

С. В. Джунджузов**Инициативы оренбургского губернатора И. И. Неплюева по разрешению кризисной ситуации в отношениях России с Хивинским ханством в 1753—1755 гг.**

В статье рассматривается кризисная ситуация в российско-хивинских отношениях, сложившаяся в связи с задержанием в 1753—1754 гг. в Хиве русских посланников и торгового каравана. Спровоцирована она была алчностью и недальновидностью хивинского хана Каипа. На основе архивных материалов анализируются разработанные оренбургским губернатором И. И. Неплюевым планы выхода из создавшейся ситуации. Один из них допускал сохранение экономических и дипломатических связей с Каип-ханом. Второй план предусматривал свержение хивинского правителя через подстрекательство хивинцев к мятежу или склонение хана Младшего жуза к хивинскому походу. Предложения оренбургского губернатора, с незначительными уточнениями, были одобрены Коллегией иностранных дел. Смена приоритетов, вызванная башкирским восстанием, отвлекла И. И. Неплюева от хивинского направления. Однако, как и предполагал оренбургский губернатор, уставшие от тирании и мздоимства хивинцы в 1756 г. сами свергли своего правителя.

Ключевые слова: внешняя политика, губернатор, дипломатия, Коллегия иностранных дел, кризис, переговоры, торговля, Хивинское ханство.

Налаживание и укрепление торговых связей со странами и народами Центральной Азии на протяжении XVIII — первой половины XIX в. оставалось приоритетным направлением внешнеполитической и экономической деятельности оренбургских губернаторов. К началу 50-х годов XVIII в. уже сложился определенный порядок организации и ведения сезонной ярмарочной торговли на Оренбургском меновом дворе. Привлечение как можно большего числа азиатских торговцев, главным образом из Хивы и Бухары, и связанные с ним рост торговых оборотов, сбор пошлин и скупка для казны драгоценных камней и металлов служили критериями эффективности работы оренбургской администрации. Еще на стадии проекта Оренбургской экспедиции правительству казалась очевидной заинтересованность азиатских стран в развитии торговых отношений с Россией — купцы получают прибыль от торговли, казна — таможенные сборы, правители соседних кочевых народов — пошлины за проход через их территории торговых караванов. В этой простой и по сути идеальной концепции не был учтен менталитет азиатских кочевников, с которыми оренбургской администрации предстояло выстраивать добрососедские отношения. Родовая знать туркмен, каракалпаков и формально признавших российское подданство казахов (киргиз-кайсаков) зачастую рассматривала торговые караваны как законную добычу, нарушая всяческие договоренности, и лишь под воздействием силы и страха перед наказанием соглашалась обеспечивать их безопасное прохождение.

Однако в 1753 г. произошло событие, выбивавшееся из сложившейся практики караванной торговли. В 1753 г. в Хиве был разграблен купеческий караван и посажены под арест дипломатические агенты оренбургского губернатора И. И. Неплюева — переводчики Яков Гуляев и Петр Чучалов. Россия сочла это происшествие нарушением неписаных норм международного права.

В XVII — начале XX в. Хивинским ханством в России называли древнее Хорезмское государство. В 1747 г. казахский чингизид Каип-султан по воле иранского шаха Надира стал хивинским ханом [16, с. 289]. Отношения с Россией и казахскими жузами Каип-хан выстраивал с учетом интересов своего отца Батыр-султана. Усилия хана внутри государства были направлены на обогащение и подавление явных и тайных противников пре-

© Джунджузов С. В., 2022

стола. После гибели в 1748 г. Абулхайр-хана (Абулхаир-хана) Батыр-султан «подъемом только у себя в кибитке на кошму» — в узком кругу сторонников из казахской знати — был провозглашен ханом Младшего жуза [6, с. 462]. Это решение вступало в противоречие с Грамотой императрицы Елизаветы Петровны от 26 февраля 1749 г. об утверждении сына Абулхайр-хана султана Нуралы в ханском достоинстве [1, с. 185; 4, с. 117]. Влиятельный сторонник Нуралы-хана Джанбек-тархан уведомил оренбургского губернатора И. И. Неплюева, что Каип-хан снабжает отца деньгами, полученными от налогообложения хивинцев. За счет поступавших из Хивы средств Батыр-султан некоторых старшин и султанов «подарками к себе склонил, и, отлуча их от ханской фамилии, ханом от них зделался» [6, с. 472]. Итогом такого развития событий в Казахской степи стал затяжной конфликт между Нуралы-ханом и его братьями, с одной стороны, и Батыр-султаном, его сыном и их сторонниками — с другой.

Крайне неблагоприятная ситуация складывалась для Каип-хана и в самом Хивинском ханстве. В 1752 г., стремясь к установлению единоличной деспотии, он предал казни 60 представителей нелояльного узбекского клана мангытов [11, с. 109]. В их числе был и пользовавшийся большим влиянием Хораз-бек (в документе — Курасбека. — С. Д.), фактический соправитель Каипа.

В отношении конкурирующих казахских родовых кланов И. И. Неплюев придерживался принципа «баланса сил»: «Надобно, чтоб Абулхаирханова фамилия не упала, но и сие, чтоб более не усилилась» [6, с. 424]. Состояние «холодной войны» между Нуралы-ханом и Батыр-султаном вполне устраивало оренбургского губернатора, но только до тех пор, пока оно не начало наносить урон внешней торговле. Каип-хан требовал от хивинских купцов прохождения караванов исключительно через кочевья его отца, Батыр-султана, с оплатой оговоренных пошлин. В ответ Нуралы-хан разрешил своим джигитам грабить караваны хивинских купцов, уклонявшихся от уплаты транзитных пошлин в его кочевьях. Нуралы-хан сумел убедить Неплюева, что виновником «торговой войны» является хивинский правитель. В целях восстановления торговых связей в Хиву были направлены русские посланники, а снаряженный с ними торговый караван самарского купца Д. Рукавкина должен был служить свидетельством миролюбия и добрососедства [12, с. 110—111].

Историками высказываются различные суждения о причинах задержания в Хиве русского купеческого каравана и аресте российских посланников: как демонстрация Каип-ханом собственной независимости [17, с. 86]; деньги и имущество русских купцов понадобились хивинскому хану для подкупа туркменской знати, не позволившей сторонникам Хораз-бека отобрать у него трон [11, с. 109]; Каип-хан имел основания подозревать И. И. Неплюева в поддержке младшего брата Нуралы-хана, Ералы-султана, пытавшегося в 1753 г. провозгласить себя хивинским ханом [15, с. 149].

Оренбургский губернатор И. И. Неплюев объяснял арест дипломатической миссии подстрекательством уполномоченных Батыр-султаном казахов и подозрительностью самого Каип-хана. Я. Гуляев и П. Чучалов выехали из Оренбурга, еще не зная о готовящейся расправе над Хораз-беком. Хивинский хан решил, что Я. Гуляев и П. Чучалов направлены в Хиву исключительно с разведывательными целями — «для присмотру тамошних мест приехали» [8, л. 33 об.]. К тому же у Гуляева было отобрано письмо от генерал-майора А. И. Тевкелева, адресованное Хораз-беку. У оренбургского губернатора действительно сложились доверительные отношения с Хораз-беком. Неплюев отмечал его заботу о развитии торговли с Россией: «Несмотря на грабежи киргизов, он постоянно заставлял хивинских купцов ездить в Оренбург с золотом, серебром и драгоценными камнями и всегда ласково и дружелюбно принимал русских торговцев в Хиве» [2, с. 809].

Ровно год русские посланники и торговцы оставались в Хиве на положении пленников. Я. Гуляеву и П. Чучалову было запрещено общаться с находившимися в городе русскими людьми. Купцам было объявлено, что товары у них взяты в долг и после прекращения народных волнений и возвращения долга они смогут вернуться на родину [3, с. 111]. Попытка доверенного человека Ералы-султана тайно вывести переводчика П. Чучалова и купца Д. Рукавкина за пределы Хивинского ханства не увенчалась успехом. Беглецы были задержаны и возвращены обратно [8, л. 33 об.]. Купец Д. Рукавкин собрал обширные сведения по географии, истории, экономике и политической обстановке в Хивинском ханстве в рассматриваемый период. В XIX в., накануне военных действий, направленных на присоединение к России северной части Центральной Азии, «Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г.» было опубликовано в Журнале Министерства внутренних дел [14].

О своих намерениях, призванных принудить Каип-хана освободить русских посланников и вернуть купцам их имущество, И. И. Неплюев позднее рассказал хивинскому послу. Против хивинцев он собирался использовать войско, собранное из казахов Младшего жуза, под предводительством Нуралы-хана. «Ежели того было б мало, то и сам он, действительный тайный советник, готов был [в поход выступить. — С. Д.]» [9, л. 80]. От решительных действий губернатора удерживало лишь отсутствие известий о дальнейших намерениях Каип-хана.

Распространившиеся слухи о решимости И. И. Неплюева направить в степь русское войско и выступить против него совместно с казахским Нуралы-ханом заставили Каип-хана искать примирения с Россией. К тому же положение Каипа на хивинском престоле по-прежнему оставалось непрочным. Из-за прекращения торговли с Россией казна и купечество несли большие убытки. В знак примирения Каип-хан распорядился освободить пятерых российских невольников и с возвращавшимся в Оренбург торговым караваном отправил своего посланника Ширбека (Ширмухамета) [3, с. 111]. Ширбек был достаточно опытным дипломатом. Его предыдущая поездка в Оренбург состоялась в 1750 г. Цель его нынешнего визита официально объяснялась обеспечением безопасного проезда купцов и поиском способов расширения торговли [9, л. 36—36 об.; 13].

В научных публикациях, затрагивающих историю российско-хивинских отношений, за редким исключением [17, с. 86], рассматривается лишь сам факт задержания российских послов в 1753—1754 гг. [5]. Между тем губернатор И. И. Неплюев вовсе не собирался оставлять без наказания враждебный поступок Каип-хана, сочтя его оскорбительным не только для великой российской державы, но и для себя лично. О его намерениях можно судить по архивным материалам, отложившимся в фонде «Оренбургской губернской канцелярии» Объединенного государственного архива Оренбургской области, датированным декабрем 1754 г. — маем 1755 г. Архивные документы содержат донесения И. И. Неплюева в Коллегию иностранных дел о переговорах с хивинским посланником, копии писем оренбургского губернатора к хивинскому хану Каипу, к хану Младшего казахского жуза Нуралы и его братьям, а также указы из Коллегии иностранных дел с инструкциями для губернатора И. И. Неплюева и генерал-майора А. И. Тевкелева. В этих документах представлены несколько стратегических планов, предусматривавших устранение Каипа с хивинского престола или, по крайней мере, его дискредитацию. Они также важны для формирования целостного представления о центральноазиатском векторе внешней политики России, механизме принятия решений на правительственном уровне, роли в этом процессе первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева.

Под влиянием описанных событий у И. И. Неплюева сформировалось крайне неприязненное отношение к Каип-хану. Свое мнение о Каип-хане и его положении на хивин-

ском престоле оренбургский губернатор представил в донесении в Коллегию иностранных дел от 11 февраля 1755 г.: «Каип хан хивинский, как то известно <...> единственно в то живет, чтоб сколько можно грабежом набогатиться, и что богатство к отцу своему высылает. Следовательно, надобно так рассуждать, что и сам при нужном случае бегом спастись уповает. Зная, что за многое губительство и грабежи, убытки и весь народ его ненавидит и освободиться [от н]его желает» [9, л. 86]. В качестве защитников хана, можно сказать его гвардии, использовались завербованные или принужденные к тому эмигранты и пленники общей численностью до семисот человек. В службе они руководствовались скорее страхом, чем верностью. Ханский двор в Хиве был похож на укрепленный замок. И. И. Неплюев не брался предугадать, насколько долго сможет продержаться Каип-хан в сложившихся условиях [9, л. 86].

Как опытный дипломат, заботившийся в первую очередь об экономических и политических интересах своей страны, И. И. Неплюев тщательно скрывал от Каип-хана намерение сместить его с хивинского престола. Напротив, в разговоре с хивинским посланником Ширбеком, состоявшемся 31 января 1755 г. во время приема в доме губернатора, а затем 10 мая 1755 г., и в адресованном хивинскому хану письме Неплюев уверял, что российское правительство готово оставить его проступок без последствий. Ширбек неуклюже пытался объяснить поведение своего хана его молодостью и неопытностью, чем пользовались его советники, которые могли злоупотреблять своим положением при ханском дворе: «иное именем его и от других было». В знак почтения к российской императрице он направил «с отданием нижайшего поклона» к российскому двору своего посланника. От имени хана Ширбек просил не оставить хивинского правителя и его народ без милости Ее Императорского Величества «как то и при прежних ханах с российской стороны было» [9, л. 84].

В ответном письме к Каип-хану И. И. Неплюев объявил, что в случившемся между ними инциденте виноват он, хивинский правитель, а не хивинский народ. На этом основании никто из хивинцев, находившихся в Оренбурге в период задержания в Хиве русских послов и торговцев, не претерпел никаких притеснений. Российским правительством было учтено принесенное ханом извинение, возвращение русских посланников, возмещение понесенных купцами убытков и направление в Россию хивинского посла. В то же время губернатор не скрывал, что, оставляя проступок Каип-хана без возмездия, российская сторона не в последнюю очередь руководствовалась экономическими интересами — обещанием хивинского хана «к обоюдной коммерции свое старание употреблять не оставить». И. И. Неплюев гарантировал приезжавшим на оренбургский торг хивинским купцам защиту и пользование вольностями, предусмотренными для иностранцев Оренбургской привилегией 1734 г. Заканчивалось письмо к высокостепенному хивинскому хану традиционным пожеланием здравия и благополучия [9, л. 168—169].

Однако восстановление доброжелательных отношений с Каип-ханом, как уже отмечалось, служило своеобразной «дипломатической завесой» разрабатываемых И. И. Неплюевым совместно с Коллегией иностранных дел планов возведения на хивинский престол пророссийски настроенного правителя из родственников Нуралы-хана. При этом участие российских войск в их осуществлении не допускалось.

В первом из них предполагалось свержение Каип-хана в результате возглавляемого узбекской оппозицией народного восстания. В возможном успехе такого сценария губернатора убеждали не только донесения переводчика Я. Гуляева и заверения хивинских торговцев, но и переговоры с хивинским посланником Ширбеком. Неприязненное отношение Ширбека к своему властелину, хивинскому хану, начало проявляться при обсуждении требования Каип-хана, чтобы возвращавшиеся из Оренбурга купцы выбирали путь,

проходивший через владения его отца, Батыр-султана. Неплюев нашел эти требования неправомерными, справедливо указав, что отец его сам от российской границы отдалился и кочует не на кратчайшей от Оренбурга к Хиве дороге. «А купечество дело вольное и купцы, ездящие в такие иностранные города, наблюдают только того, что им ближе и способнее, а наипаче безубыточнее было. <...> Того ради никого к тому приневолять никак не можно» [9, л. 78 об.]. К хивинским купцам, как к своим подданным, Каип-хан может предъявлять любые требования, но, по мнению оренбургского губернатора, для торговых караванов безопаснее возвращаться в Хиву через кочевья Нуралы-хана. Нуралы-хан в отличие от Батыр-султана на ханство возведен по милости российской императрицы, ей в верности присягал и присяги до сих пор не нарушал.

Неожиданно Ширбек согласился с доводом И. И. Неплюева в том, что его хан стремится угодить интересам своего отца Батыр-султана и он, посланник, «за дело то не почитает». От дальнейшего разговора на эту тему Ширбек тогда уклонился, переключив внимание собеседника на прохождение караванов через казахскую орду. Он его сравнивал с плаванием по бескрайнему морю, во время которого всякий купец должен лишь о том думать, как живым из него выбраться. Надеяться на обещания казахов нельзя. Неважно, даны они ханом, Батыр-султаном или кем-то иным из султанов [9, л. 79]. Так Ширбек мимоходом вновь бросил тень на Каип-хана как представителя казахской династии.

Окончательно раскрыть свое мнение и рассказать о своем положении при хивинском дворе Ширбеку пришлось после того, как И. И. Неплюев поставил вопрос: каким путем посланник собирается возвратиться в Хиву — через кочевья Нуралы-хана или Батыр-султана? По существу Ширбеку не удалось добиться ни одного положительного решения, способного удовлетворить пожелания Каип-хана. Он не был, как того хотел хан, допущен к императорскому двору. Более того, оренбургский губернатор уже в начале аудиенции напомнил хивинскому посланнику, что не только во внутренних, но и в заграничных делах главным командиром учрежден [9, л. 77 об.]. Как уже говорилось, вопрос о выборе пути прохода караванов И. И. Неплюев оставлял на усмотрение самих купцов. На выраженную Каип-ханом надежду, что ответным шагом на возвращение русских пленников последует отправка на родину удерживаемых в России хивинцев, Неплюевым было объявлено, что Российское государство никогда не задерживало и не пленило иностранцев, добровольно пребывавших на его территории. Для торговли с азиатскими странами определены города Астрахань и Оренбург, «в которые всяких наций людям приезжать и отъезжать позволено свободно, как то у них и делается» [9, л. 81]. На просьбу Каип-хана разрешить хивинским паломникам проезжать в Мекку через российскую территорию также не последовало вразумительного ответа. Прежде использовавшийся хивинцами прямой путь через Персию был перекрыт из-за начавшихся после смерти Надир-шаха междоусобных распрей. По поводу возможных расспросов о сложности и опасности объездного пути Ширбек пояснил: «Что принадлежит до опасности и давности, то, когда кто и куда своею волею едет, то уже, чтоб ему в пути ни случилось, в том ни на кого пенять не может». Неплюев прервал речь посланника замечанием, что в России всегда заботятся о законно приезжающих в нее иностранцах [9, л. 81 об.].

Ширбек стал опасаться, что оренбургский губернатор распорядится препроводить его через кочевья Нуралы-хана. Он рассказал, что попал в немилость Каип-хана после того, как по завершении своего предыдущего визита в Оренбург проехал через владения правителя Младшего жуза. Если верить Ширбеку, ради спасения жизни он вынужден был отдать все свое имущество. Себе в заслугу посланник ставил поддержку российских чиновников и купцов в период их принудительного задержания в Хиве. Свою нынешнюю миссию в Оренбург он объяснял так: «...сколько по воле ханской, а не меньше по

ревности своей и сюда поехать случая искал. <...> почему нынешнее свое звание на себя принял, и с тем сюда приехал» [9, л. 82 об.].

В сетованиях Ширбека о потере имущества И. И. Неплюев, видимо, усмотрел завуалированную попытку вымогательства. Посланнику было заявлено, что к наложенному на него Каип-ханом наказанию российская сторона отношения не имеет. Проезд его через владения казахского хана из соображений безопасности тогда был оправданным. К тому же учитывалось преимущество верноподданнического положения Нуралы-хана над Батыр-султаном [9, л. 82 об.].

Внимание оренбургского губернатора привлекло заявление Ширбека о бедственном положении узбеков в Хивинском ханстве, к числу которых относился и сам хивинский посланник. Тем самым, во-первых, подтвердился вывод о наличии против Каип-хана влиятельной узбекской оппозиции, а во-вторых, Ширбек фактически признался, что имеет к ней непосредственное отношение. Посланник договорился до того, что призвал принять хивинцев под высочайшую протекцию Российской империи и защитить их от налогового бремени Каип-хана, о чем И. И. Неплюев поспешил уведомить Коллегию иностранных дел [10, л. 39]. Назначение посланником в Оренбург Ширбека, находившегося в немилоستي у Каип-хана, губернатор объяснял доброжелательным отношением к нему со стороны российских властей. В то же время, если посланнику суждено погибнуть в дороге, то хан о нем печалиться не будет [9, л. 80 об. — 81].

Коллегия рекомендовала Неплюеву направить для доверительной беседы с Ширбеком переводчика Я. Гуляева или другого чиновника. При встрече, будто бы от своего имени, ему следовало подсказать посланнику, что для избавления от тирании Каип-хана заговорщикам следует привлечь военные ресурсы соседних народов: аральцев, каракалпак, туркмен и особенно казахов. «Потому что как нынешний их хан из киргис кайсацких солтанов, так они, низложив его, могут из той же нации по своему соизволению и другого хана себе выбрать». При таком развитии событий они смогут рассчитывать на поддержку казахского хана Нуралы [10, л. 39].

Хивинский посланник отбыл из Оренбурга 10 мая 1755 г. В определении даты отъезда учитывалось весеннее время, когда казахи Младшего жуза, еще оставаясь в своих зимних кочевьях, не смогут помешать Ширбеку добраться до стана Батыр-султана. В подарок посланнику было отписано 5 аршин сукна, 10 аршин парчи и 12 аршин штофа на общую сумму 83 рубля. А так как Ширбек приезжал в Оренбург в сопровождении несовершеннолетнего сына Мухамета-Амина, то и его решили одарить тканями на 27 рублей [9, л. 138—138 об.].

Второй, более перспективный, план свержения Каип-хана заключался в подстрекательстве к войне с Хивинским ханством Нуралы-хана. Он основывался на враждебном отношении Нуралы к Батыр-султану и стремлении ханского брата Ералы-султана отвоинствовать хивинский престол. Ералы при встрече с Я. Гуляевым сам изъявил желание в отместку за задержание его в Хиве с караваном и всех прочих нанесенных его семье обид Каип-хана «с ханства согнать». Помня о своем предыдущем неудачном военном опыте, султан просил гарантий со стороны России — о поддержке и выкупе в случае его пленения в Хиве [9, л. 133]. При удачном исходе Ералы-султан обещал вернуть из Хивы всех российских пленников, обеспечить безопасность караванных путей.

Коллегия иностранных дел сочла кандидатуру на хивинский престол Ералы-хана самой перспективной для продвижения российских интересов. Ералы был хорошо знаком чиновникам иностранного ведомства. В ранней юности он находился в аманатах в Оренбурге, часто встречался с оренбургским губернатором и даже удостоился чести пребывания в Санкт-Петербурге при императорском дворе. Уверенность ему должна прида-

вать поддержка старшего брата, Нуралы-хана. Став хивинским ханом, Ералы будет требовать от купцов проводить свои караваны исключительно через кочевья Нуралы-хана и пополнять его казну торговыми пошлинами. В свою очередь, безопасность торговых путей обеспечит существенный рост внешнеторговых оборотов на Оренбургском меновом дворе и связанных с ними доходов. В свете открывавшихся перспектив коллежские чиновники решили проигнорировать предупреждение И. И. Неплюева о ненадежности Ералы-султана как военного предводителя, дважды попадавшего в плен к аральцам и каракалпакам [9, л. 87]. Губернатору напомнили, что воевать Ералы-султан будет совместно с Нуралы-ханом и другими своими братьями. «Может быть и хивинцы сами, будучи настоящим их Каип ханом недовольны, к ним пристанут» [10, л. 39 об. — 40]. Российское правительство учитывало и негативный сценарий развития событий, при котором побежденной стороной окажутся не хивинцы, а казахи Младшего жуза. Однако и при таком исходе особого ущерба российским интересам не предвиделось, так как из-за угрозы казахских набегов торговые караваны уже все равно перестали курсировать между Хивой и Оренбургом.

Для достижения поставленной цели от И. И. Неплюева требовалось уговорить Нуралы-хана пойти войной на Хивинское ханство. Передача письма и ведение переговоров с казахским правителем поручались переводчику Я. Гуляеву. И. И. Неплюев опасался, что переговоры с хивинским посланником могут вызвать у Нуралы-хана ненужные подозрения. Поэтому с первых строк своего письма оренбургский губернатор постарался объяснить хану, что Россия не забыла оскорбления, нанесенного Каип-ханом и Батыр-султаном, и «кроме досады иного ничего не заслужил[и]». Хивинский посланник не был, как того желал Каип-хан, допущен к императорскому двору. А в ответном письме выражено осуждение Каип-хану «в оных досадительных его к здешней стороне поступках» [9, л. 132—132 об.]. Вступать в переписку с Батыр-султаном И. И. Неплюев и вовсе отказался. Приезжавшим в Оренбург его представителям он передал, что российская сторона будет готова вести какие-то переговоры с Батыром лишь после того, как он признает верховенство Нуралы-хана [9, л. 133].

И. И. Неплюев уверял Нуралы-хана, ссылаясь на переводчиков Гуляева и Чучалова, да и самого хивинского посланника, что весь хивинский народ к нему и Ералы-султану относится доброжелательно. Каип-хан же с его своевољством и сумасбродством хивинцам стал ненавистен. Когда хивинцы получают известие о движении войск Нуралы-хана и Ералы-султана к границам их государства, они не только не окажут сопротивление, но и восстание против Каип-хана поднять могут [9, л. 133 об.].

Далее И. И. Неплюев попытался побудить Нуралы-хана к активным действиям. Он напомнил хану о нанесенном ему Батыр-султаном публичном оскорблении и покушении на верховную власть, дарованную ему императрицей Елизаветой Петровной и всем казахским народом. Батыр-султан распространял слух, что по знатности превосходит Нуралы-хана. Батыру уже удалось подкупить нескольких старшин и султанов. Обогащаясь за счет хивинских налогов, он с Каип-ханом «пакостей чинить не оставят, а со временем и прямо иногда опасными быть могут» [9, л. 134]. Посчитав приведенные аргументы достаточными, оренбургский губернатор, как он выразился, решил Нуралы «совет и наставление дать». Если он желает Ералы-султану помочь стать хивинским ханом и возвысить свой род, отомстить Каип-хану и Батыр-султану за нанесенные обиды и тем обезопасить собственную власть, то должен постараться низложить Каипа с хивинского престола. Войну Нуралы-хан должен был вести в расчете на собственные силы, но пребывая в уверенности, что «со здешней стороны, не только не противно, но и приятно. Да и Ея

Императорское Величество неинаково как благоугодно быть может, ибо <...> так желательно, чтоб он с фамилией своей, а не иной кто, всегда процветал» [9, л. 134—134 об.].

План военной операции, предложенный И. И. Неплюевым, сводился к следующему: Нуралы-хан со своим войском должен выступить в хивинский поход осенью, как только спадет жара. Сомнение вызывала способность казахских джигитов штурмом овладеть хорошо укрепленной Хивинской крепостью. Однако достаточно было и того, чтобы они какое-то время держали город в осаде. Далее расчет делался на поддержку осажденных жителей Хивы, которые свергнут ненавистного Каипа и провозгласят хивинским ханом Ералы-султана [9, л. 134 об.].

В разговоре с Нуралы-ханом Я. Гуляев должен был окончательно убедить его в необходимости покорения Хивинского ханства: «прилежно стараться, его, хана, по выше писанному в достаточное собственной его и всей фамилии его, и с того чести, пользы и славы понятие. И через то против хивинского хана в движение привести» [9, л. 135 об.]. Ссылаясь на письмо губернатора И. И. Неплюева, Гуляеву следовало еще раз развеять подозрения Нуралы-хана относительно приема хивинского посланника в Оренбурге и его возвращение через кочевье Батыр-султана. Но самый трудный вопрос, который предполагал уклончивый ответ и ссылки на прежние договоренности, состоял в том, почему Россия не хочет участвовать в военном походе на Хиву? Для служебного пользования Коллегия иностранных дел отвечала на него предельно ясно: «за дальним от Оренбурга расстоянием и трудным и безводным путем сего намерения здешними войсками исполнить или невозможно, или великим трудностям и убыткам подвержено. Однако приемлется здесь в рассуждение, не можно ли вместо того подвигнуть Нуралы хана, чтоб он за те досады каравану и за свои обиды Каип хану отмщение учинил и его с ханства согнал» [10, л. 39].

Визиту Я. Гуляева в ставку казахского хана придавался конфиденциальный характер. С содержанием письма И. И. Неплюева разрешалось познакомить лишь самого Нуралы-хана. Даже встреча с Ералы-султаном, которого российская сторона хотела видеть на хивинском престоле, допускалась только в случае согласия казахского хана. Особой предосторожности Я. Гуляеву предписывалось придерживаться в отношении другого брата Нуралы-хана — Айчувак-султана. Айчувак был женат на дочери Батыр-султана и, следовательно, как близкий свойственник, мог поддерживать с тестем и Каип-ханом доверительные отношения [9, л. 136—137].

Документы, освещающие дальнейшую переписку по поводу подготовки Нуралы-хана к проведению хивинского похода, в фонде Оренбургской губернской канцелярии не обнаружены. Очевидно, она прервалась из-за переключения внимания оренбургской администрации на подавление народного восстания в Башкирии [18; 19]. В российско-казахских отношениях на первый план вышел вопрос о возвращении сотен башкирских повстанцев, искавших убежище в казахских кочевьях. В отсутствие надежных союзников, недостаточности собственных военных ресурсов и весьма сомнительной надежды перехода на его сторону самих хивинцев, Нуралы-хан предпочел не ввязываться в военный конфликт с Хивинским ханством. Формальным поводом к оправданию отказа от развязывания войны послужило сообщение российского эмиссара в Младшем жузе князя Максютова, что Ералы-султану «запретил» отправляться в поход некий хаджа [7, с. 228].

Правление Каип-хана, как и прогнозировал И. И. Неплюев, завершилось через год его изгнанием из Хивы. В 1756 г. в Гургене против Каипа подняли мятеж хивинские аристократы. Он был вынужден бежать в Казахскую степь, в кочевье к своему отцу. Через четыре месяца та же участь постигла его младшего брата Карабая, отстраненного от трона хивинскими сановниками [17, с. 86—87].

Исследование кризисной ситуации 1753—1755 гг. в российско-хивинских отношениях, спровоцированной корыстолюбием и недалекостью хивинского хана Каипа, свидетельствует о превращении Оренбурга в региональный центр реализации внешнеполитического курса Российской империи на центральноазиатском направлении. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев осуществлял дипломатические сношения. В его канцелярию стекалась разного рода информация от уполномоченных чиновников и частных, в том числе иностранных, осведомителей. Ее анализ позволил И. И. Неплюеву разработать несколько стратегических планов — от умеренного, предполагавшего сохранение экономических и дипломатических связей с Каип-ханом, до радикального, предусматривавшего свержение хивинского правителя через подстрекательство хивинцев к мятежу или склонение хана Младшего жуза к хивинскому походу. Предложения оренбургского губернатора с незначительными уточнениями были одобрены Коллегией иностранных дел. Смена приоритетов, вызванная башкирским восстанием, отвлекла И. И. Неплюева от хивинского направления. Однако, как и предполагал оренбургский губернатор, уставшие от тирании и мздоимства хивинцы сами свергли своего правителя.

Список использованных источников и литературы

1. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1971. 273 с.
2. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : в 5 вып. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1889—1897. Вып. 3. 1891. xxiv, 369—616 с.; Вып. 4. 1895. xxii, 617—844 с.
3. Джунджузов С. В. Баранта как способ разрешения локальных конфликтов в юго-восточном фронтире России в 40—50-х годах XVIII века // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 469. С. 107—113. DOI: 10.17223/15617793/469/14.
4. Джунджузов С. В. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев и российская политика умиротворения казахской знати после смерти хана Абулхаира (1748—1750 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 113—123. URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/9_37_2021.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.9.
5. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана / сообщ. А. Добросмыслова // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. Ташкент, 1910. С. 69—81.
6. Казахско-русские отношения в XVII—XVIII веках : сб. документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
7. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 656 с.
8. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
9. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.
10. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.
11. Почекаев Р. Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 108—113. DOI: 10.17223/15617793/414/17.
12. Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII—XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103—120. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08.
13. Почекаев Р. Ю. Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // Вопросы правоведения. 2016. № 3. С. 200—215.
14. Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доньше // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 12. С. 351—401.
15. Таймасов С. У. Переводчик Оренбургской губернской канцелярии Петр Чучалов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 148—151.

16. Темиргалиев Р. Казахские Чингизиды на престоле Хивинского ханства // Мәңгілік ел : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 550-летию Казахского ханства (11 сент. 2015 г.). Астана : Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282—299.
17. Уталиев С. А., Жамигова Г. Казахские ханы на хивинском престоле // Гуманитарный трактат. 2018. № 24. С. 81—88.
18. Худайгулов Т. С. Башкирское восстание 1755—1756 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2008. 27 с.
19. Чулошников А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 109 с.

Поступила в редакцию 11.05.2022

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

UDC 94(47)“1753/1755”

S. V. Dzhundzhuzov

Initiatives of the Orenburg Governor I. I. Neplyuev to resolve the crisis situation in Russia's relations with the Khanate of Khiva in 1753—1755

The article examines the crisis situation in Russia-Khiva relations that developed in connection with the detention of Russian envoys and a trade caravan in Khiva in 1753—1754. It was provoked by the greed and short-sightedness of Khiva Khan Kaip. On the basis of archival materials, the plans developed by Orenburg Governor I. I. Neplyuev to get out of the situation are analyzed. One of them allowed the preservation of economic and diplomatic ties with Kaip Khan. The second plan provided for the overthrow of the Khiva ruler by inciting the Khiva people to revolt or inciting the khan of the Younger Zhuz to the Khiva campaign. The proposals of the Orenburg governor, with minor clarifications, were approved by the Board of Foreign Affairs. The change of priorities caused by the Bashkir uprising distracted I. I. Neplyuev from the Khiva direction. However, as the Orenburg governor had expected, tired of tyranny and bribery, the Khiva people themselves overthrew their ruler in 1736.

Key words: foreign policy, governor, diplomacy, Board of Foreign Affairs, crisis, negotiations, trade, Khiva Khanate.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

References

1. Basin V. Ya. *Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI—XVIII vv.* [Russia and the Kazakh khanates in the 16—18th centuries]. Alma-Ata, Nauka Kazakhskoi SSR Publ., 1971. 273 p. (In Russian)
2. Vitevskii V. N. I. I. *Neplyuev i Orenburgskii kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g.: v 5 vyp.* [I. I. Neplyuev and the Orenburg Territory in its former composition until 1758. In 5 issues]. Kazan, Tipo-lit. V. M. Klyuchnikova Publ., 1889—1897. Is. 3. 1891. xxiv, 369—616 p.; Is. 4. 1895. xxii, 617—844 p. (In Russian)
3. Dzhundzhuzov S. V. Baranta kak sposob razresheniya lokal'nykh konfliktov v yugo-vostochnom frontire Rossii v 40—50-kh godakh XVIII veka [Baranta as a Way to Resolve Local Conflicts in the South-Eastern Frontier of Russia in the 1740—1750s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Tomsk State University Journal*, 2021, no. 469, pp. 107—113. DOI: 10.17223/15617793/469/14. (In Russian)
4. Dzhundzhuzov S. V. Orenburgskii gubernator I. I. Neplyuev i rossiiskaya politika umirotvoreniya kazakhskoi znati posle smerti khana Abulkhaira (1748—1750 gg.) [Orenburg Governor I. I. Neplyuev and

the Russian policy of pacifying the Kazakh nobility after the death of Khan Abulkhair (1748—1750)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2021, no. 1 (37), pp. 113—123. Available at: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/9_37_2021.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.9. (In Russian)

5. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гюляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана [To the history of our relations with Khiva. Report of the interpreter Gulyaev and the clerk Chuchalov to the office of the Orenburg Governor about their arrival in Khiva, about the events that took place at that time in the Khiva Khanate, and about the embarrassment they were subjected to by order of the Khan]. *Protokoly zasedanii i soobshcheniya chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii. God XIV* [Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan circle of archeology lovers. Year XIV]. Tashkent, 1910, pp. 69—81. (In Russian)

6. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVII—XVIII vekakh: sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the XVII—XVIII centuries. Collect. of documents and materials]. Alma-Ata, AN Kazakhskoi SSR Publ., 1961. 741 p. (In Russian)

7. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty, Sanat Publ., 1996. 656 p. (In Russian)

8. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region] (OGAOU). F. 3. Op. 1. D. 32.

9. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 36.

10. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 37.

11. Pochekaev R. Yu. Gosudarstvennost' i pravo sredneaziatskikh khanstv v zapiskakh rossiiskikh puteshestvennikov XVIII v. [The state structure and law of Central Asia khanates in the notes of Russian travelers of the 18th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2017, no. 414, pp. 108—113. DOI: 10.17223/15617793/414/17. (In Russian)

12. Pochekaev R. Yu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII—XIX vv. Ch. 1: Kazakhskie khany na trone Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIII—XIX centuries. Pt. I: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2021, no. 4 (44), pp. 103—120. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08. (In Russian)

13. Pochekaev R. Yu. *Ekonomicheskie sanktsii Rossiiskoi imperii protiv Khivinskogo khanstva v XVIII i XIX vv.: prichiny, pravovoe oformlenie, effektivnost'* [Economic sanctions of the Russian Empire against the Khiva Khanate in the 18th and 19th centuries: reasons, legal design, effectiveness]. *Voprosy pravovedeniya*, 2016, no. 3, pp. 200—215. (In Russian)

14. Russov S. Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g. s priobshcheniem raznykh izvestii o Khive s otdalennykh vremen donyne [Journey from Orenburg to Khiva by the Samara merchant Rukavkin in 1753 with the inclusion of various news about Khiva from remote times to the present]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1839, no. 12, pp. 351—401. (In Russian)

15. Taimasov S. U. Perevodchik Orenburgskoi gubernskoi kantselyarii Petr Chuchalov [Translator of the Orenburg provincial office Petr Chuchalov]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 32 (170). Istoriya. Is. 35, pp. 148—151. (In Russian)

16. Temirgaliev R. Kazakhskie Chingizidy na prestole Khivinskogo khanstva [Kazakh Chingisids on the throne of the Khiva Khanate]. *Mangilik el: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 550-letiyu Kazakhskogo khanstva (11 sent. 2015 g.)* [Mangilik el: materials of the Internat. sci.-pract. conf., dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (Sept. 11, 2015)]. Astana, Memleket tarikhy instituty Publ., 2016, pp. 282—299. (In Russian)

17. Utaliev S. A., Zhamigova G. Kazakhskie khany na khivinskom prestole [Kazakh khans on the throne of Khiva]. *Gumanitarnyi traktat*, 2018, no. 24, pp. 81—88. (In Russian)

18. Khudaigulov T. S. *Bashkirskoe vosstanie 1755—1756 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Bashkir uprising of 1755—1756. Abstr. Cand. Dis.]. Ufa, 2008. 27 p. (In Russian)

19. Chuloshnikov A. P. *Vosstanie 1755 g. v Bashkirii* [Uprising of 1755 in Bashkiria]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940. 109 p. (In Russian)